

передавать эмоционально-психологическое состояние персонажа и в процессе интерперсонального общения, и в процессе общения с самим собой, при воспроизведении его внутренней речи.

Ананьев Б. Г. К теории внутренней речи в психологии // Уч. зап. Ленингр. пед. ин-та. Л., 1946. Т. 3. С. 155–173.

Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. Л., 1981.

Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.

Иванникова Е. А. Об изобразительных возможностях синтаксических средств в художественном тексте // Русский язык. Проблемы художественной речи. Лексикология и лексикография. М., 1981.

Портянников В. А. Грамматически-стилистическая характеристика вопросительных предложений современного немецкого языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук, М., 1967.

Gregory L. The Rainbow Season. N. Y., 1983.

Hemingway E. The Old Man and the Sea. M., 1967.

King S., Straub P. Talisman. L., 1984.

McLeod Sh. The Snow-White Soliloquies. N. Y., 1970.

Mosco M. Images. L., 1986.

Plain B. Random Winds. N. Y., 1985.

Sillitoe A. Key to the Door. M., 1969.

Статья поступила в редакцию 08.09.2008 г.

УДК 811.511.142'366.587

А. Д. Каксин

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ МОДАЛЬНОСТИ В ХАНТЫЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Рассматриваются модальные слова хантыйского языка (существительные, глаголы и др.), которые являются основным лексическим средством выражения модальных значений. Особое внимание уделено модальным существительным типа *kaš/каш* 'желание' и вводно-модальным словам типа *neš/нэш* 'оказывается', употребляемым с разными формами наклонений хантыйского глагола.

Ключевые слова: хантыйский язык, модальные существительные, наклонение глагола.

Теоретической основой нашего подхода в этом вопросе являются взгляды представителей ленинградской (санкт-петербургской) школы функциональной грамматики, согласно которым модальность представлена разновидностями реальной и потенциальной модальности, которые выражаются средствами разных уровней языка, и лексические средства при этом играют не последнюю роль [см.: Темпоральность..., 59–67].

К числу самых активных и употребительных лексических средств выражения модальности в хантыйском языке относятся модальные имена существительные

(модификаторы) типа *kaš/каш* 'желание', *piš/пиш* 'возможность', *šom/шом* 'способность'.

Приведем примеры с семантическим модификатором *suχ/suχ* 'привычка; обыкновение', вносящим во фразу модальный оттенок имплицитной возможности, значение несовершенности определяется в данном случае участием вспомогательного глагола *täj-/täj* 'иметь' (примеры – см.: [Полевые материалы]):

– *ši joχlan isa roman juχatti suχ täjlat!* 'Те люди вечно без предупреждения (внезапно) приезжать привычку имеют!' (говорящему это не нравится, он выражает неприятие чужой манеры).

– *wera möšumti suχ täj!* 'Сильно заболеть привычка имеет' (что нехорошо, нежелательно, приносит беспокойство; это простая констатация чужого обыкновения, отклоняющегося от нормы).

– *χäšpa ewaχ päti suχ täjs!* 'Муравьев вечно боялась!' (говорящий как будто спрашивает: а чего их, собственно, бояться?! Налицо недоумение, активное непонимание свойства, манеры другого субъекта).

– *aseł piła śtalasijti suχ täjs* 'С отцом постоянно таскался' (простая констатация чужого обыкновения, не вполне одобряемого говорящим).

Как видим, во всех случаях модальное слово *suχ* 'привычка, обыкновение' сочетается со служебным глаголом *täj-* 'иметь', который выражает оттенок длительности действия, а также значение того или иного времени, для которого действительно (или было действительно) данное действие.

Для выражения модальной семантики возможности в хантыйском языке наиболее употребительно нейтральное *piš/пиш* 'возможность'. Возьмем несколько примеров на основное, т. е. дискретное, выражение возможности [см.: Полевые материалы]:

– *širn, wante, χonti pa i külpä jähχemati piš=ew wös* 'В то время, видишь ли, когда и в клуб могли сбежать' (т. е. имели все же возможность, хотя сделать это было трудно не в силу запрета, а по объективным обстоятельствам). По модальному признаку – это внешняя недеонтическая возможность, отнесенная в план прошлого; по признаку актуальности/ узуальности – ситуативно обусловленная возможность, так как реализуется актуальный вариант потенциальной ситуации;

– *naη nōmaskan, täm iskijn mult i werti pišem wōf?!* 'Ты думаешь, (что) на таком холоде я могу что-нибудь делать?!' Здесь в зависимой части, связь с которой в хантыйском языке осуществляется не посредством суффикса, как в русском языке, а простым соположением и интонацией, содержится риторический вопрос, и выражается невозможность выполнения действия ввиду объективных обстоятельств (т. е. так же, как и в предыдущем случае, внешняя недеонтическая возможность). Данная фраза была записана нами именно в таком виде, т. е. говорящий выразил свое личное мнение (что отражено в показателе 1-го л. ед. ч. -em), но после бесед с экспертами закономерно устанавливается, что употребление показателя лица необязательно, потому что данной ситуации свойствен признак узуальности; высказывание имеет скорее обобщенный характер и отрицательный смысл: *tām iskijn nemaχ werti piš äntö* 'на таком холоде невозможно ничего делать'.

– *nin piłana mǎn=ti piś=en äntö* ‘С вами пойти не могу’ (невозможность выполнения действия). Причина становится ясна только из контекста, т. е. данной фразой можно выразить и внешнюю (деонтическую или недеонтическую), и внутреннюю невозможность, обусловленную состоянием субъекта;

– *tǎm łarásen nuχ ałum=ti piś=en wof?* ‘Этот ящик сможешь поднять?’ (вопрос, направленный на выяснение исполнимости действия исходя из возможностей субъекта; это внутренняя неприобетенная (приобетенная?) возможность);

– *multi wǔrn piś=en ki wǒs kałtaŋa jǎŋχ=ti, χirem łǒłŋ tǒsen* ‘Если бы ты смог сходить на пристань, мешок мой принес бы’. Здесь, как видим, при участии вспомогательного бытийного глагола выражается возможность действия, выполняемого при определенном условии (в данном случае: ‘если у тебя найдется время’). По принятой нами классификации, это внешняя деонтическая возможность актуального характера;

– *tǎm aj kǎłtałam piłā isa rūśāti piśem äntö* ‘С этими двумя малышами у меня совсем нет возможности отдохнуть’ (невозможность выполнения действия ввиду обстоятельств, не зависящих от воли самого субъекта, т. е. перед нами разновидность внешней недеонтической актуальной возможности).

Возьмем другие предложения – с модальным словом *uś/yu* ‘ум, мысль’. В зависимости от лексического значения основного глагола (стоящего в инфинитиве) и контекста приводимые фразы передают различные смыслы, в т. ч. связанные с семантикой возможности / невозможности (примеры – см. [Полевые материалы]):

– *nūr uśem äntǒm wǒs iśmati* ‘Совсем ума не было (у меня) спросить’ (нереализованное действие, значение возможности имплицитно, т. е. выражается упущенная возможность);

– *śi kem uśał wǒs taŋχa owł tumana tǒχarti* ‘Видимо, ума хватило дверь на замок закрыть’;

– *jǎma jiti multi uśł äntö* ‘Выздороветь никак не может’. В этих случаях десемантизованное слово *us* придает фразе либо оттенок похвалы (при употреблении положительной формы сказуемого), либо тот же оттенок неодобрения, как в приведенном в самом начале примере с десемантизованным словом *suχ* (в случае наличия отрицания).

До сих пор в качестве примеров мы приводили образцы разговорной речи, но рассматриваемые модальные явления можно проиллюстрировать и извлечениями из художественных произведений. Поскольку в нашем случае языковая единица, принимаемая за исходную, – это предложение, для изучения синтаксической семантики привлекается, конечно, не только отдельное предложение, но часто и группа предложений, т. е. мини-текст. Работа с мини-текстами позволяет оценивать предложения с различной точки зрения, выявлять разные их характеристики, проводить классификацию, дистрибутивный, трансформационный и компонентный анализы.

Более крупная единица (текст) позволяет применять и статистические методики исследования языка (например, для определения частоты появления в текстах определенных модальных явлений). В данной работе мы не ставим задачи говорить о статистике и приводить статистические выкладки, да и исследования

подобного рода на материале хантыйского языка (по крайней мере – в сфере семантического синтаксиса) еще не проводились. Приведем лишь результаты одного наблюдения, самого предварительного сравнения нескольких небольших текстов. Например, если иметь в виду функционально-семантическое поле возможности, то при сопоставлении текстов однородного характера видно, что употребление модального модификатора *piś* (*пищ*) ‘возможность’ встречается гораздо чаще в отрицательной форме, нежели в положительной, а трансформацию негативного в позитивное наши информанты и эксперты оценивают как «неправильную». Так, в следующем тексте обобщенного характера при переосмыслении ситуации в положительном плане (в порядке эксперимента) более уместна, как полагают эксперты, индикативная форма глагола: *Увас мўвн тови тōх щос шāнгкап āнт юхатл. Щимащ товийн вевлы питум вўлыя лаварта йил лоньщ хирты. Хўв тови альщалы йингканг товия. Хāнты ёх летут сопаслал хулалат, хўл на нюхи вўйтты пиш āнтō* [Хāнты ясāн, 72] ‘На севере иногда весна резко (быстро, неожиданно) не приходит. В такую весну ослабленному оленю тяжело бывает снег (наст) разрывать. Продолжительную весну водной весной называют. У людей пищевые запасы заканчиваются, рыбу и мясо найти невозможно’.

В случае обратной, т. е. позитивной, ситуации последнее предложение более уместно с формой настояще-будущего времени основного смыслового глагола (без употребления модального слова *пищ* ‘возможность’ и желательного с введением обстоятельства времени обобщающего плана): *Хāнты ёх летут сопаслал āнт хулалат, хўл на нюхи иса вўйтлат* ‘У людей пищевые запасы не заканчиваются, рыбу и мясо всегда находят (найдут)’. В данном случае, как указывалось выше, мы говорим о недискретном выражении возможности.

В другом тексте, где анализируемая семантика также присутствует имплицитно, напротив, высказывается мысль о некоей возможности, для чего в хантыйском языке более употребительны, более естественны временные формы изъявительного наклонения: *Тови пурайн вōнтан бмащ янгхты. Йбш хўват мāнлан на мулты ущхўль вєр шивалалн* [Там же, 73] ‘Весной забавно ходить по лесу. Идешь по тропинке и что-нибудь интересное увидишь’ (‘...что-нибудь интересное можно увидеть’).

Перевод в отрицательный (или негативный) план также осуществим: *Йбш хўват мāнлан на немалты шивалаты пишцен āнтō* ‘Идешь по тропинке, и ничего увидеть невозможно’.

Такого рода сопоставлений можно привести еще много, их тщательное изучение и описание составляет наиважнейшую задачу исследователя, т. к. оттенки модальных значений оценочного характера в любом языке являются наиболее тонкими и трудноуловимыми. Например, в хантыйском языке в этом плане можно отметить вводно-модальное слово *mosaŋ* (*masaŋ*) ‘быть нужным, быть необходимым’. Варианты и этимологию этого слова дает словарь В. Штейница (DEWOS):

mas- (вахо-васюганский, обдорский диалекты), *mos-* (низямский, шеркальский, казымский, сынский диалекты и говоры) чаще всего [употр.] безлично; переводится рус. ‘быть нужным, необходимым’, нем. ‘notig sein, müssen, brauchen’; [а также] рус. ‘годиться’,

нем. *taugen* [в таком значении – в юганском говоре], нем. *gefallen, zusagen* [в таком значении – в казымском диалекте], нем. *lieben* [в таком значении – в сургутском, иртышском, низямском, казымском, обдорском диалектах], нем. *lieblosen* [в таком значении – в юганском говоре и иртышском диалекте]. Сюда же, вероятно, [следующие производные]: низ., шерк., каз., сынск. *mosan* (каз. – также *mosni*), обд. *masan* ‘может быть, vielleicht; должно быть, wahrscheinlich’ [DEWOS, 967–968].

Как видим, в словаре В. Штейница упоминается функция вводного компонента, и в этом случае данная лексема (*mosaj*) тоже является, безусловно, модальной и выражает различную достоверность, чаще всего дополнительную по отношению к модальности (например, модальности долженствования).

Но и при другом своем употреблении (т. е. в функции модального предикатива, безличного или личного) однокоренная с вышеупомянутой лексема *mos* ‘быть нужным’ не является долженствительной: первое ее значение – необходимость.

Заглянув в словари хантыйского языка, мы видим, что есть и другие слова того же корня: *mos, mos-, mosaj* и др. [Ibid., 967–969], *мос, моса, мосл, мосты, мосалтаты* (Кононова, 165). Формально они, по всей видимости, являются производными от лексемы *mos-*, и возникает необходимость их сопоставления в словообразовательном плане. Так, слово *mos=an* (*мос=анг*) ‘может быть, должно быть’ образовано от корня *mos-* (*мос-*) с помощью словообразовательного суффикса *-an* (*-аң*), а это в хантыйском языке суффикс прилагательных и наречий. Слово “мосл” в словарях обычно трактуется как отдельное, самостоятельное, хотя изначально это словоизменительная форма от глагола *мосты* 1) ‘быть необходимым’; 2) ‘любить’ (*мосл* – форма настояще-будущего времени). Таким образом, прежде всего следует обратиться к семантике исходного корня.

Материал хантыйского языка показывает, что этот корень (*mos/mas*) ‘довольно, хватит’ сам по себе, без дополнительной аффиксации, является словом, т. е. может функционировать в виде самостоятельного предложения (при соответствующей интонации). В качестве единицы словаря (лексемы) он может быть представлен следующим образом: *mos* – довольно, хватит: 1) безличный предикатив, синонимичный слову *tarmal* ‘достаточно’; возможно их совместное употребление: *jaxata, tarmal. Mos!* ‘Но, достаточно. Довольно!’ (субъект речи – говорящий, субъект модальной оценки – он же, субъект волеизъявления – собеседник либо сам говорящий); 2) часто с выраженной позицией адресата, который должен явиться субъектом волеизъявления (это может быть собеседник либо третье лицо): *Mos (nānen) faskati* ‘Хватит (тебе) болтать’; *Mos isa tojlati (ñweka)* ‘Хватит все время обещать (ему)’.

Как известно, в русском языке при использовании безличного предикатива (*надо, нужно, необходимо, должно*) в случае необходимости выражения лица в предложении появляется соответствующее имя или местоимение в дательном падеже. То же самое происходит в хантыйском языке, с тем лишь отличием, что сам предикатив *mos-* ‘быть нужным’, как правило, замыкает предложение:

– *Муй ма мутшасум, икем холен сукхелал посты мосл* [Моньшят, 4] ‘Ничего я не заметила, мужа грязную одежду надо стирать’ – здесь нет необходимости в указании на лицо во второй части;

– *Тăмхăтл мăнэм ар вер тўндматты мосл* [Полевые материалы] ‘Сегодня мне много дел надо сделать’ (букв. выпрямить надо) – лицо указано местоимением в притяжательной форме, без показателя падежа; падежный аффикс в этом случае носит факультативный характер и появляется чаще всего при адресатном значении имени (местоимения) и целевом значении глагола:

– *Тõп ащена сора-сора алаң холуп вантты яңхты мосл* [Полевые материалы] ‘Только твоему отцу быстро-быстро сети проверить съездить надо’. Данный пример является яркой иллюстрацией к положению о пересечении между модальными оттенками в хантыйском языке (его можно перевести и так: ‘Только твой отец быстро-быстро сети проверять должен’), и в то же время он показывает, что в такого рода конструкциях, при наличии сильного лексического компонента (*мос-*), в любом случае выражается именно модальная семантика.

Итак, поскольку в хантыйском языке не так много морфологических модальных форм, т. е. форм наклонений, значительную роль играют именно лексические средства выражения модальности – модальные слова. С другой стороны, в хантыйском языке есть аналитические глагольные формы, а также служебные слова (словечки, частицы речи), приспособленные для выражения определенных модальных значений, и их комбинированное употребление позволяет адекватно отражать необходимую модальность. Для носителя хантыйского языка в первую очередь важно выразить свое отношение к ситуации, т. е. дать ее оценку по шкале истинности (или достоверности).

Как известно, главным оценочным значением, имеющим наиболее интенсивные связи с другими значениями как в сфере модальности, так и за ее пределами, является значение так называемой эпистемической оценки. Эта оценка имеет отношение к сфере истинности: оценивается степень правдоподобности (или степень вероятности) данной ситуации со стороны говорящего. Ср.:

– (каз.) «*Ма, сар, па янхлум, мосанг мулты войтлум*». *Ситлан лув амнал вохсалэ па си вульлал манум пант хуват вонта си шошмас* [Сенгепов, 13] ‘Ну, я еще раз схожу, может, кого-то найду». С этими словами он позвал собак и по той дороге, по которой убежали олени, зашагал в сторону леса’.

– *Мосанг мулты войтлум* [Полевые материалы] ‘Может, кого-то найду’ – говорящий оценивает будущую ситуацию как возможную, и показателем служит модальная лексема *mosa?/ моса?* ‘может быть’; есть неуверенность, что олени быстро отыщутся, но действия по их поиску следует предпринять;

– (каз.) *Ситы омастэмн кутн холлэман, камн вулэт си хохатьлятэл сатъл*. «*Я, вульлумн, исипа, си юхатсат*», – *лунал* [Сенгепов, 15] ‘В то время, как мы так сидели вдвоем, услышали: снаружи олени бегают, слышно. “Ну, олени наши, кажется, пришли”, – говорит он’;

– *Я, вульлумн, исипа, си юхатсат* ‘Олени наши, кажется, пришли’ – говорящий оценивает наступившую ситуацию, и почти полная уверенность маркируется четырежды: лексически – словами *я, исипа* и *си*, и морфологически – прошедшим временем глагола (с перфектным значением).

Как установлено по данным многих языков, оценку вероятности ситуации говорящий может давать в двух разных случаях.

Во-первых (и это наиболее естественно), можно прогнозировать вероятность некоторой ситуации, о наличии которой в настоящем, прошлом или будущем у говорящего нет достоверных сведений. Говорящий может объявить такую ситуацию маловероятной (*вряд ли*), возможной (*может быть*), высоковероятной (*скорее всего*) и т. п.; показатели с таким набором значений («эпистемическая гипотеза») – самые распространенные показатели эпистемической модальности [см.: Плунгян, 311].

В хантыйском языке прогнозируемая ситуация может вводиться путем использования лексем *афра*, *исіра*, *іафра тосаң*, а также одного из членов словесной пары *пелы* – *ант пелы*, сигнализирующих о предположении со стороны говорящего. Часто в подобного рода конструкциях содержится риторический вопрос, а значит, скрытое утверждение. Ср.:

– (каз.) *Йивев йис эвалт, асев йис эвалт хасюм и вонт иса мин ан вонтыйл-лэ́мн, ан каншаньсийллэ́мн. Питы нюхс, питы вой алпа тайл* [Сенгепов, 17] ‘С давних времен остался один лес, еще нехоженный нами. Черного соболя, черного зверя наверняка имеет’ – высокая доля вероятности;

– (каз.) *Па нын там йингканг пелак кератлатн, вонтанг пелак кератлатн, хулты муй ханты волты мув, ханты янгхты пант а́нт пелы мутшийллатн?* ‘А вы водные просторы обходите, лесные просторы обходите, следы ходивших людей не замечали ли?’ – имплицитно содержится утверждение: ‘наверняка замечали’.

Второй тип эпистемической оценки – это тогда, когда говорящий дает оценку пост фактум, т. е. по отношению к ситуации, истинность которой ему достоверно известна; в этом случае говорящий сообщает о том, совпадает или нет наступление ситуации с той эпистемической гипотезой, которая у него имела раньше; иными словами, соответствует ли наступление ситуации его ожиданиям по этому поводу. Как и показатели «эпистемической гипотезы», показатели «эпистемического ожидания» могут квалифицировать ситуацию как маловероятную, возможную или высоковероятную [см.: Плунгян, 311]. В хантыйском языке есть некоторые специализированные средства для выражения оценки ожидавшейся ситуации, и одним из них является частое употребление вводных слов и предложений с участием глаголов восприятия и мысли, уже в своем лексическом значении содержащих сему оценки. Это слова и предложения, аналогичные русским выражениям типа *кажется, мне кажется, на мой взгляд, полагаю, я думаю*:

– *Ма вантэ́мны, нын ма тохыттем вертын яма м́нтыт, – ай няха восил-ман, лопыс Петр* [Лазарев, 31] ‘«Я смотрю, у вас и без меня дела хорошо идут», – расплывшись в улыбке, произнес Петр’.

Еще одним средством выражения оценки ожидавшейся ситуации служит употребление форм так называемого неочевидного наклонения:

– *Лүв иньясупсылал нух лэ́рамтты пттэм артн, уша верлэм, маттэ яюмики ма киньсе́ма шуши мирэ́в яма в́отал* [Сенгепов, 6] ‘Отвечая на его вопросы, осознаю: оказывается, брат мой лучше меня наших местных жителей знает’ – говорящий предполагал, что брат знает жизнь местных жителей, но он не думал, что настолько хорошо («даже лучше меня»). Эффект удивления усиливает

употребление лексемы *маттэ* 'оказывается', а глагол стоит в форме настоящего времени. В других случаях глагол может стоять в форме прошедшего времени:

– (каз.) *Ким этсум, маттырн, вълэт хънтты пшаса лунгательюмел па ин айлта ким си шбишат* [Сенгепов, 13] 'Наружу вышел и вижу: *оказывается*, олени уже в изгородь заходили, а теперь потихоньку ее покидают';

– (каз.) «*Няр нангк, няр хъл тыя нух хънгха, вон яюм ики. Ван мўвн хулты тўтанг ханнэхъ въл ки, нанг шивалалэн». Ин вон яйл ики партсалэ, манс. Карсь пай каншас вонт самн. Карсь няр нангк, няр хъл тыя нух хонгхас па вантыйл. Маттырн, и тахийн вонт мўв лавалты, вонт мўв пасты икел тўт тахмал нанга-хъла лэл* [Там же, 18–19] «На верхушку лиственницы или на верхушку ели залезь, старший брат. Если близко кто есть с огнем, ты увидишь его». Так отправил старшего брата, тот пошел. Отыскал высокий холм в чаще леса. На высокую лиственницу залез и смотрит по сторонам. *Оказывается*, в одном месте землю обходящий, лес обходящий старик костер развел, до верхушки лиственницы горит'.

В двух последних примерах при формах неочевидного наклонения дополнительно употребляется вводно-модальное слово *маттырн* 'оказывается', хотя значение неожиданности (или миративности) выражено уже в глагольной форме. Столь же часто в таких случаях вводится слово *нэш/эйнам* 'оказывается', которое вносит оттенок не только неожиданности, но и изумления (в т. ч. при изъявительном наклонении глагола):

– *Щи мулты кўрцапен иса щи кўртмен, нэш!* [Полевые материалы] 'Да ты никак с этой железякой не можешь управиться, *оказывается!*';

– *Щи сэмлы атэл икия, нэш, нъмалмумал!* [Там же] 'За этого одинокого слепого мужика, *оказывается*, замуж вышла!';

– *Ма – щив, па вантлум: лўв, нэш, щйта лоль па кейл* [Там же] 'Я – туда, смотрю: он, *оказывается*, там стоит и воркует';

– *Йок йумилнэ амгэт, эйнам, тямьнт тэла. Ампи пай кэсилэвэлт, эйнам* [Кунина, 126] 'Приехали люди (спустя долгое время), а там собаки, *оказывается*, бегают. Сучка оценилась, *оказывается*'.

Как видим, хантыйский язык подтверждает общую закономерность, ведь в языках наиболее часто встречаются показатели низкой вероятности (неожиданности), что практически естественно: говорящие скорее склонны эксплицитно маркировать случай нарушенных, а не случай подтвердившихся ожиданий. Показатель «эпистемической неожиданности» имеет специальное название – адмиратив; он встречается в глагольных системах многих языков мира, и в частности в балканских (албанском, турецком, болгарском), где впервые и был обнаружен.

Сам термин «адмиратив» был, как считается, изобретен французским поэтом и филологом-балканистом Огюстом Дозоном в конце XIX в. для характеристики соответствующей глагольной формы албанского языка. Название связано с тем, что в число основных значений этой формы входит как выражение высокой интенсивности (т. е. значения эпистемической и качественной оценки совмещены), что не вполне типично для подобных показателей, которые обычно выражают скорее удивление, чем восхищение. Поэтому с типологической

точки зрения, может быть, более удачным является термин «миратив» [см.: Плуноян, 311–312].

Место модальных слов в общей системе языка чрезвычайно велико, поскольку именно модальность определяет во многом самобытность всякого естественного языка. В нашем понимании в группу модальных входят слова разных частей речи, имеющие отношение к выражению модальности, а также неизменяемые вводные модальные слова, вместе они являются основным средством выражения модальности на лексическом уровне. В числе других лексических средств можно назвать междометия, повторы, связанные словосочетания, фразеологизмы. Первым признаком, характеризующим большинство модальных слов, является их некоторая абстрактность, дающая простор для выражения субъективности. У другой подгруппы модальных слов общей чертой модальных слов, связывающей их вместе, является оценочность. Об этих свойствах скажем далее, но сначала несколько слов о хантыйском и типологически близких языках.

Наше исследование посвящено анализу модальной лексики хантыйского языка – одного из языков малочисленных народов Севера, до настоящего времени остающегося малоизученным по семантической линии. Хантыйский язык мало исследован с точки зрения общеполитических и логических категорий, приложимых к языкам его типа, т. е. северным уральским – мансийскому, ненецкому, селькупскому, энецкому, нганасанскому. Эти языки сближает, во-первых, то, что они в той или иной мере имеют такие особенности в грамматике, как широко развитые подсистемы притяжательности, объектного спряжения и глагольного пассива; во-вторых, они своей системой, как кажется, весьма удачно (адекватно) отражают менталитет северного человека и его темперамент, а это нельзя выразить в языке ничем другим, как указанными грамматическими средствами и лексикой особого характера.

Вообще, субъективность настолько глубоко проникает во все уровни этих языков, что в речи она проявляется (так или иначе) почти в каждом высказывании, и совершенно определенно – в следующих случаях:

1) человек, во многом зависимый от природы и ее боготворящий и в то же время – очень конкретный и погруженный в свой нехитрый быт, видит окружающий мир и отдельные элементы этого мира не бесхозными, а обязательно кому-либо принадлежущими (отсюда – притяжательные формы и притяжательное склонение);

2) этот человек (или человек такого склада) видит часто приложение действия к конкретному, с его точки зрения, объекту, а следовательно, пассивность самого объекта (объектное спряжение и пассивные формы);

3) темперамент северного человека – это зачастую отсутствие всякого темперамента (что проявляется и в языке), в его характере – удивительные наивность, спокойствие, хладнокровие и ровность, откуда и это частое изумление и апелляция к собеседнику (эвиденциальные формы, адмиратив, всевозможные *однако, оказывается, гляди, слушай*);

4) другая сторона этого характера есть привычка к безмолвию, широким пространствам, лесам, таящим опасность появления зверя, и в то же время

привычка доверять своим органам чувств, откуда проистекают всё те же изумление и апелляция, теперь уже к собственным глазам и ушам (те же эвиденциальные формы, аудитив, вводные *слышно, видно* и т. п.).

Таким образом, более конкретный объект нашего внимания – те лексические средства, которые имеются в хантыйском языке для выражения субъективной модальности, т. е. модальные слова. Вопрос о месте модальных слов в общей лексической системе смыкается с классификацией (делением) слов по частям речи. В частности, так поставлена проблема, например, для одного из финно-угорских языков (марийского) в одном из последних диссертационных исследований по финно-угорским языкам. Справедливо отмечая, что модальные слова и словосочетания являются одним из самых молодых лексико-грамматических разрядов слов, О. В. Анисимова полагает возможным выделить этот разряд в марийском языке в особую категорию слов, т. е. в самостоятельную часть речи [см.: Анисимова, 5]. Многие не согласятся с таким подходом (традиция, освященная столетиями, – рассматривать десять классических частей речи, а модальные слова – это модальные наречия, глаголы, частицы...), но О. В. Анисимова вполне убедительно отстаивает свою точку зрения. Наше понимание изложено ранее [см.: Каксин], и оно не отличается от традиционного.

Проблематика, поднятая в статье, еще не рассматривалась в отношении хантыйского языка. Объективная модальность присутствует во всех тех высказываниях (предложениях), где содержится простая констатация факта (или вопрос) в любом временном ракурсе (или где есть побуждение), и это выражено либо формой склонения глагола, либо, при отсутствии глагольной формы, просто подразумевается некоторая временная константа, чаще всего – константа настоящего. Большинство работ по хантыйскому языку последних десятилетий опираются именно на такого рода предложения, т. е. субъективная модальность или не учитывается, или подается как накладываемая на основную пропозицию. Следовательно, само описание модальности как отдельного сложного явления в хантыйском языке – это актуальная научно-исследовательская задача. Другая актуальная проблема – сам отбор и адекватное описание лексических средств выражения модальности в хантыйском языке. В центре внимания находятся прежде всего междометия и модальные слова. Вопросы понятия лексической модальности, его соотношения с другими типами модальности применительно к хантыйскому языку остаются не вполне исследованными. Системность в хантыйском языке, как, впрочем, и в других языках, проявляется на всех уровнях. Подход в рамках теории систем (системный анализ) предполагает, что, например, эмоционально-оценочные средства языка уже (априори) представляют собой систему. В хантыйском языке системному анализу могут быть подвергнуты такие лексические единицы, как абстрактные, оценочные, модальные слова и др.

Абстрактная лексика так или иначе представлена во всех языках, поскольку человек разумный способен создавать, конструировать абстрактные понятия, которые затем воплощаются в словах. Среди абстрактных слов (т. е. слов с обобщенным значением) существительные занимают центральное место.

Итак, во всех современных языках (и финно-угорских в том числе) выделяются особые слова, называемые модальными. Эти слова бывают двух видов: 1) модальные глаголы, имена, слова других частей речи, изменяющиеся по тем категориям, которые имеются у той или иной части речи; 2) неизменяемые слова вводного типа. Модальные слова грамматически не связаны с другими словами в предложении и выделяются в нем особой интонацией. Это специфическая категория слов, которая используется в языке для выражения субъективно-модальных значений – точки зрения говорящего на отношение высказывания к действительности. Наконец, обе эти группы слов входят составной частью в разряд лексических средств выражения модальности, который составляют также междометия, повторы, связанные словосочетания, фразеологизмы.

И если соотносить два понятия – «лексические средства выражения модальности» и «модальные слова», можно понять, что соотносятся они между собой как родовое и видовое. Модальные слова в хантыйском языке, так же как и в других, типологически близких языках, являются основным лексическим средством выражения модальных значений.

Анисимова О. В. Модальные слова и словосочетания в современном марийском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 2007.

Каксин А. Д. Выражение модальности в хантыйском языке // Народы Северо-Западной Сибири : сб. науч. тр. Вып. 3. Томск, 1996. С. 41–49.

Кононова С. П. Русско-хантыйский тематический словарь (казымский диалект). СПб., 2002.

Кунина Л. Е. Äл'вы = Альвы : сб. фольклора ханты (ваховский диалект). Вып. 1. Томск, 2005.

Лазарев Г. Д. Сорненг тов : рассказ на языке ханты (среднеобской диалект). Ханты-Мансийск, 1999.

Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990.

Моньцят па пурят = Сказки и рассказы / на хант. яз. (казымский диалект). Нижневартовск, 1996.

Полевые материалы автора : зап. летом 1991 г. в с. Казым Белояр. р-на Тюмен. обл. (казымский диалект хантыйского языка).

Сенгенов А. М. Касум ики пурат = Рассказы старого ханты / на хант. яз. (казым. диалект). СПб., 1994.

Темпоральность. Модальность / А. В. Бондарко, Е. И. Беляева, Л. А. Бирюлин [и др.]; отв. ред. А. В. Бондарко. Л., 1990. (Теория функциональной грамматики).

Терешкин Н. И. Словарь восточнохантыйских диалектов. Л., 1981.

Ханты ясаң = Хантыйский язык : учеб. для 6 класса (казым. диалект) / В. Н. Соловар. СПб., 2001.

DEWOS – *Steinitz W.* Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Lfg 1–13. Berlin, 1966–1991.

Статья поступила в редакцию 06.11.2008 г.